

Дин Яньшоу и Цзян Шулю всегда жили душа в душу. Прошла неделя, а они всё никак не могли наговориться. Цзи Шэньюй, напротив, даже не смел вздохнуть — он вёл себя так тихо, что супруги попросту о нём забыли.

Пока в комнату не влетел Цзян Тинэнь, выкрикивая на ходу:

— Дядя! Те огромные ящики у ворот — это всё ты привез?!

Цзи Шэньюй среагировал быстрее всех. Он обернулся, взглянул на Цзян Тинэня, а затем снова перевел взгляд на Дин Яньшоу. Тот жестом указал на него и произнес:

— Это всё вещи Шэньюя. Вы, ребята, молодые да крепкие, помогите занести.

Цзян Шулю засомневалась:

— Куда их...

У Дин Ханьбая дернулось правое веко. Он услышал, как отец добавил:

— В дворик Ханьбая, в комнату рядом с главной спальней.

Раздался злорадный смешок. Дин Ханьбай толкнул Дин Кэю локтем в бок. Тот хотел было возмутиться, но в его собственном дворе свободных комнат не было. Дин Ханьбай поднялся с дивана, прошагал по комнате и остановился перед Цзи Шэньюем. С выражением досады и пренебрежения он бросил:

— Пошли, пятый ученик.

Цзи Шэньюй, весь в поту, последовал за ним. От волнения он дышал тяжело. Когда ящики заперли внутри ворот, остальные помрачнели еще сильнее.

Дин Кэюй упер руки в бока:

— Даже девица, выходящая замуж, не везет с собой столько барахла.

Дин Ханьбай пнул ящик носком ботинка. Цзи Шэньюй испуганно вскрикнул:

— Не трогай!

Трое братьев замерли и одновременно уставились на него. Дин Ханьбай сунул руки в карманы и невозмутимо произнес:

— Только мне не трогать? Думаю, никому не стоит трогать. Раз такой привередливый — таскай сам.

Цзи Шэньюй поспешил извиниться за свою резкость:

— Вещи внутри очень хрупкие, я разволновался. Старший брат, не сердись на меня.

Говорят, на того, кто улыбается, рука не поднимется, но сейчас Цзи Шэньюй хмурился, и его вид был настолько жалким, что Дин Ханьбай не смог всерьез разозлиться. Он решил, что на первый раз хватит. Поманив Дин Кэюя и Цзян Тинэня, он велел им нести один ящик, а сам вместе с Цзи Шэньюем взялся за другой. За пару ходок они перетащили всё в маленький дворик.

Двор, где жил Дин Ханьбай, утопал в зелени. В задней стене была проделана арка. В северном крыле — три комнаты: две спальни и кабинет, в южном — две мастерские, где хранились материалы и станки. Хотя комнат было немало, все они оказались тесными, и три огромных ящика сразу забили проход до отказа.

Цзян Тинэнь вытер пот:

— Такие махины, куда их теперь девать?

Цзи Шэньюй огляделся:

— Можно придвинуть к стене?

— Нет, — Дин Ханьбай отряхнул пыль с брюк. — Ты здесь живешь, но это не значит, что это твоя вотчина. Запихнуть сюда три ящика — это уродство. Открывай, сортируй — что нужно, оставь, остальное выбрось. Нечего превращать комнату в склад хлама.

Цзи Шэньюй покраснел — то ли от жары, то ли от обиды:

— У меня нет хлама. Всё нужное.

Дин Ханьбай, избалованный с детства, терпеть не мог, когда ему перечат:

— Ты, мелкий южанин, с кем это споришь? — Сказав это, он перестал помогать и, умывшись, ушел. Дин Кэюй и Цзян Тинэнь, словно верные псы, потянулись за ним.

Уходя, Дин Ханьбай намеренно бросил:

— Зовите второго, пойдем в Чжуйфэнлоу обедать.

Дин Кэюй обрадовался:

— Старший брат, я так соскучился по их кальмарам в бульоне!

— Каких еще кальмаров, — Дин Ханьбай оглянулся на дверь комнаты, — сегодня едим

жареный рис по-янчжоуски!

В полдень воздух раскалился. Цзи Шэньюй стоял на ступенях, охраняя свои ящики. Можно ли ему войти? А вдруг он передвинет стул или заденет чашку, и Дин Ханьбай, вернувшись, начнет придирааться?

С тех пор как наставник тяжело заболел, он не отходил от его постели, а после смерти учителя едва ел и спал. Горе наваливалось одно за другим. Теперь, оказавшись в совершенно чужом городе, без крова и покоя, он стоял под палящим солнцем, боясь сделать шаг. Спросить — значит беспокоить, а от усталости и тревоги он едва не свалился со ступенек.

Цзян Цайвэй, придя, застала его в таком состоянии: он стоял в растерянности, лицо покраснелось, а волосы на затылке намокли от пота.

Она быстро подошла и вытерла ему лицо:

— Я тетя Ханьбая. Шурина уехал несколько дней назад, только сейчас вернулся, а сестра ушла покупать тебе постельное белье и предметы гигиены. Чего ты стоишь как вкопанный?

Появление Цзян Цайвэй было подобно глотку воды в пустыне. Цзи Шэньюй благодарно улыбнулся:

— Тетя, меня зовут Цзи Шэньюй.

— Знаю, имя очень красивое. Это мастер Цзи дал его тебе? — Она подтолкнула его в дом. — Ребята тебя обидели? Не бери в голову. У моего шурина высокие требования к ученикам. Скольким детям старых друзей он отказал! Ханьбай — ладно, а остальные хоть и задиристые, но мастера своего дела. Вот они и злятся, что тебя приняли так просто, да еще привезли из самого Янчжоу.

Цзи Шэньюй поспешно ответил:

— Я не подведу мастера Дина. Мое ремесло... оно неплохое.

Он хотел сказать, что и сам кое-что умеет, но постеснялся.

Цзян Цайвэй рассмеялась:

— Сначала поешь, потом помойся и отдохни. Вечером, когда спадет жара, всё разберешь.

В отдельной сумке Цзи Шэньюя было немного одежды, но сшита она была так искусно, что в голову приходило лишь одно слово — нищета. Помывшись, он сидел на краю кровати, боясь лечь, пока волосы не высохнут — вдруг намочит подушку, и Дин Ханьбай придерется?

На тумбочке лежала книга Война и мир. Он взял ее, полистал, а когда стало клонить в сон, положил на место так, как она лежала до этого, чтобы никто не догадался, что он ее трогал. Он даже спал, не вытягиваясь, прижавшись к самому краю — ни пошевелиться, ни вытянуть ноги... тише, чем в день похорон Цзи Фансюя.

Он не боялся Дин Ханьбая, он просто знал, как должен вести себя человек, живущий в чужом доме.

Дин Ханьбай давно забыл о нем. Пообедав с братьями, он пошел в кино, потом катался по городу, и только к закату вернулся домой.

Войдя во двор, он вспомнил, что в доме появился новый человек. Он притормозил у бамбука, заметив, что ящики всё еще стоят снаружи. Широко шагая, он вошел в спальню и, словно ревизор, начал осматривать каждый стул и стол.

Цзи Шэньюй в испуге подскочил с кровати, сжимая в руках Войну и мир. Он так устал, что проспал до сумерек. А потом, полюбив чтение, открыл книгу, чтобы прочесть главу, и не заметил, как пролетело время.

Дин Ханьбай подошел к изножью кровати:

— Мою закладку не потерял?

Цзи Шэньюй начал судорожно листать страницы — никакой закладки не было. Он в панике опустил на пол, заглядывая под кровать:

— Я не видел закладки, как она выглядит?

— Золотая пластинка с узором в виде облака, — отчеканил Дин Ханьбай. — Чистое золото.

Цзи Шэньюй приподнял простыню, но под кроватью ничего не нашел. Книга в его руках стала словно раскаленной. Недолго думая, он бросил ее и выбежал вон. Он схватил ключ, открыл ящик, выудил оттуда сверток и, развернув слои старой одежды и газет, достал горсть нефритовых изделий.

Дин Ханьбай удивился, стоя поодаль:

— Что ты делаешь?

Глаза Цзи Шэньюя горели решимостью:

— Я возмещу тебе ущерб.

Он принялся перебирать необработанные куски нефрита, затем достал маленькую деревянную

шкатулку. Прикрывая ее крышкой, он что-то достал, сжал в кулаке и подошел к Дин Ханьбаю.

Дин Ханьбай понял, почему тот так трясся над ящиками — внутри были настоящие сокровища.

Цзи Шэньюй остановился перед ним и разжал кулак. На ладони лежала серьга. Платина с изумрудом — ни к материалу, ни к работе не придраться. Дин Ханьбай взял ее и, зная ответ, спросил:

— Мне?

— Да. Это то, что наставник приготовил мне для женитьбы. — Цзи Шэньюй не думал о женитьбе, но Дин Яньшоу говорил ему, что он теперь не просто ученик, а сын. Если он хочет считать этот дом родным, он не может оставаться должником Дин Ханьбая и копить обиды с первого же дня.

Он никогда не видел золотой закладки, но, судя по обстановке в доме, она наверняка была очень ценной. Пришлось отдать самое дорогое, что у него было. Дин Ханьбай сжал серьгу, чувствуя себя неловко. Книга была скучной, закладка лежала в кабинете, он просто решил подшутить, кто же знал, что тот воспримет всё всерьез.

— Зачем мне, взрослому мужику, серьга?

— Для будущей жены.

— А почему только одна? Где вторая?

Цзи Шэньюй снова сжал кулак:

— Одна золотая закладка в обмен на две платиновые серьги с изумрудами? Вы, северяне, умеете выгадать.

Дин Ханьбай не поверил своим ушам:

— В смысле, мы, северяне, выгадали?

Цзи Шэньюй парировал:

— А в смысле, мелкий южанин?

— ...

Дин Ханьбай той ночью не сомкнул глаз. Он корил себя за то, что проявил слабость. Обычно он не лез за словом в карман и мог довести любого до белого каления, но Цзи Шэньюй был

другим. Он не нападал, он спорил так, словно читал лекцию.

А главное — взяв чужое, чувствуешь себя обязанным. Он лежал, глядя на лампу у кровати: серьга была зацеплена за кисточку абажура, и зеленый изумруд в мягком желтом свете выглядел еще изысканнее.

Цзи Фансюй действительно любил этого ученика. Мастер — это строгость, отец — это нежность. Но стоило Цзи Фансюю умереть, как Цзи Шэньюй тут же сменил наставника и уехал. Это было предательством любви и доверия мастера.

Дин Ханьбай видел работы Цзи Фансюя и чтит его память. Натянув одеяло, он прошептал:

— Мастер Цзи, твой ученик совсем не чтит память отца. Я помогу тебе его проучить.

Но прежде чем он придумал план мести, Дин Яньшоу установил правила для братьев. Первым пунктом значилось: не обижать новичков. Цзян Цайвэй, видя, как сгущаются тучи, добавила:

— Шурин, они все одного возраста, скоро подружатся.

Дин Яньшоу, поправляя очки, не стал обводить взглядом комнату, а сразу уставился на Дин Ханьбая:

— Я вечно занят в лавке и не могу следить за вами. Твоя тетя — мои глаза и уши. Я всё знаю.

Цзян Цайвэй простонала:

— Ну кто же выдает свои глаза и уши сразу?!

Цзи Шэньюй стоял неподвижно. Он понимал, что Дин Яньшоу сегодня заступился за него, но от этого становилось только тревожнее. Остальные и так были недовольны его появлением, а теперь возненавидят еще больше.

Дин Ханьбай, самый недовольный из всех, не выдержал:

— Пап, не надо про обиды. В нашем деле обижают только тех, у кого руки кривые.

Дин Кэюй подхватил:

— Дядя, нас ты проверял несколько лет, прежде чем принять. С чего это вдруг после семидневной поездки в Янчжоу у нас появился еще один ученик?

Дин Ханьбай хотел и рассмеяться, и разозлиться:

— Какая еще поездка! Отец ездил на похороны!

Цзи Шэньюй спокойно посмотрел на четверых братьев. Дин Кэюй после слов Ханьбая притих, Дин Эрхэ молча кивнул, соглашаясь, а юный Цзян Тинэнь тут же подтвердил.

Он понял: все завидуют, что он так легко стал учеником Дина. Юй Сяоцзи — это доход, и каждый из них имел свою долю. Он, чужак, пришел откусить кусок пирога, вот и вызвал гнев.

Только Дин Ханьбай был другим. Его заботило лишь мастерство. Будь Цзи Шэньюй бездарностью, тот бы каждый день закатывал глаза.

Дин Ханьбай, сидя рядом с отцом, положил руку ему на плечо:

— Пап, давай так: пусть пятый ученик покажет, на что способен. Я хочу знать, какого уровня мастер был у наставника Цзи.

Он взглянул на Цзи Шэньюя:

— Жемчужина, ты согласен?

Цзи Шэньюй стиснул зубы:

— Согласен. — И, не теряя надежды, добавил: — Мастер, можно мне сменить имя?

Дин Яньшоу почувствовал, как рука сына на плече сжалась сильнее. Он понял, что если пойдет против воли старшего сына, покоя не видать. К тому же, Жемчужина — неплохо. Он с иронией ответил:

— Жемчужина — это мягкость, блеск, удача. По-моему, отлично.

Когда они пошли в мастерскую выбирать материал, лицо Цзи Шэньюя стало темнее тучи. Дин Ханьбай открыл дверь, и солнечный свет залил ящики и шкафы с камнями.

Цзян Тинэнь не сдержался:

— Брат, я тоже хочу...

Дин Ханьбай перебил:

— Хотя в другом месте.

Цзи Шэньюй смотрел во все глаза, но Дин Ханьбай заслонил его своей высокой фигурой, схватив горсть агатов:

— Выбирай.

Пять камней лежали на столе. Цзи Шэньюй принес нож и кисть. Под взглядами остальных он начал изучать пять кусков южно-красного агата. Цзиньхун, полосатый красный, розовый, киноварный...

Он протянул руку и взял Цзиньхун, поймав взгляд Дин Ханьбая. Тот смотрел на него как на кусок бесполезного мусора.

Цзи Шэньюй начал рисовать на агате — он изобразил тот самый бамбук у арки. Линии у основания были плавными, а выше становились мягче, ветви переплетались хаотично, не отражая даже направления ветра.

Дин Ханьбай не хотел на это смотреть. Он присел, сорвал веточку сирени — своего любимого цветка, который носил его фамилию — и начал обрывать лепестки. Он встал, как раз когда Цзи Шэньюй менял нож.

Дин Ханьбай подошел сзади, посмотрел пару минут и не выдержал. Он схватил Цзи Шэньюя за запястье:

— Чего рука дрожит? Ты кости бросаешь или в карты играешь?

Цзи Шэньюй ответил:

— У меня такая манера.

— Манера?! Манера не отличать настоящий агат от подделки, манера рисовать криво и косо, манера трясти рукой при резке?! — Дин Ханьбай повысил голос. — Трата времени и позор!

На этом экзамен закончился. Остальные перешептывались, насмехаясь. Дин Ханьбай был в ярости — он отчитывал Цзи Шэньюя так, словно от этого зависел покой души Цзи Фансюя.

Цзи Шэньюй пропустил всё мимо ушей. Вернувшись в комнату, он закрыл дверь и снова открыл Войну и мир.

Он понимал: другие завидуют его «легкому» ученичеству и боятся за свои доли в бизнесе. Если он не будет высываться, это их успокоит.

А что касается Дин Ханьбая, который так печется о мастерстве...

Пфф, плевать.

Он держал книгу, золотую закладку он так и не увидел, а из-за серег у него всю ночь болело сердце.

<http://bllate.org/book/19144/1880212>